

Как Параша Сибирячка встретила с императором или история одного компромисса

Юлия Мучник

менее минуты назад

 Приоритетный источник в Google

Памятник Параше Сибирячке в Ишиме

Этим летом исполнилось 230 лет со дня рождения писателя и журналиста Николая Полевого. Он прославился как создатель знаменитого в свое время независимого издания "Московский телеграф", но вскоре оказался перед выбором, знакомым в России многим: сохранить внутреннюю свободу, потеряв возможность печататься, или как-то приспособиться к новым политическим реалиям.

Весной 1834 года министр народного просвещения Сергей Уваров, убеждая императора закрыть журнал Николая Полевого, выразился определенно: "Надо отнять у него право говорить с публикою". В сущности, этим была определена вся дальнейшая судьба Полевого.

Через 6 лет после закрытия "Московского Телеграфа", Полевой напишет пьесу "Параша Сибирячка", которая до сих пор считается образцом верноподданнической литературы тех времен.

| "Он родился быть журналистом"

Он родился в Иркутске в 1796 году в купеческой семье, которая затем переехала в Курск. Систематического образования не получил, но грамоте обучился, главным образом, читая книги из большой отцовской библиотеки. По его собственным словам, он "прочитал тысячу томов всякой всячины и помнил все прочитанное". Отец такую страсть сына к книгам не одобрял. И Полевой, закончив днем помогать в торговых делах, по ночам читал при огарке свечи.

"Ум мой совершенно увлёкся новой, дотоле неизвестной мне прелестью – прелестью учения <...> останусь ли я купцом и бедняком, буду ли чиновником и Губернатором Курским, – высшая цель моего честолюбия! – всё равно только бы учиться!", – вспоминал Полевой в своей автобиографии.

В 1820-м году он переезжает в Москву – по поручению отца устраивать там винокуренный завод. А через два года отец умирает и Полевой, забросив коммерческие дела, наконец уходит в тот мир, в который его тянуло с детства.

В тогдашних московских журналах все чаще начинают появляться стихи и статьи молодого автора Николая Полевого. А в 1825-м при содействии Петра Вяземского он начинает издавать свой журнал "Московский телеграф".

Николай Полевой

Это было уникальное предприятие. Провинциал, почти неведомый тогдашним столичным литераторам, недавний купец без систематического образования, вдруг взялся за издание журнала. В литературных кругах тогда гуляла эпитафия на Полевого: "Отродие купечества, Изломанный аршин, Какой ты сын отечества?"

Ты просто сукин сын!" ("аршинниками" в тогдашней России насмешливо называли людей торгового сословия).

В России, конечно, были "Трутень" и "Пустомеля" Новикова, "Московский журнальчик" и "Вестник Европы" Карамзина и другие издания, но Николай Полевой создал первый в России журнал в современном понимании – с массовой аудиторией, разными авторами и самыми разнообразными темами – от серьезных политических и экономических до светских. Именно Полевой, кстати, ввел в России в оборот слово журналист (от французского *journaliste*).

"Он родился быть журналистом, летописцем успехов, открытий, политической и учёной борьбы... Полевой начал демократизировать русскую литературу; он заставил её спуститься с аристократических высот и сделал её более народной или, по крайней мере, более буржуазной", – писал Александр Герцен.

Московский телеграф, журнал, 1825

Летом 1825 года Полевой получил письмо, которое любой русский издатель того времени считал бы триумфом. Александр Пушкин сообщал, что считает "Московский телеграф" лучшим русским журналом и готов сотрудничать с ним. Для вчерашнего купеческого сына без университетского образования это было невероятное признание.

Правда, об истинном отношении Пушкина к "Московскому телеграфу" свидетельствует письмо поэта Вяземскому (июль 1825): "Думаю, что ты уже получил ответ мой на предложения "Телеграфа". Если ему нужны стихи мои, то пошли ему, что тебе попадётся (кроме "Онегина"), если же моё имя, как сотрудника, то не соглашусь из благородной гордости, т. е. амбиции: "Телеграф" человек порядочный и честный – но враль и невежда; а враньё и невежество журнала делится между его

издателями; в часть эту входить не намерен".

И, тем не менее, "Московский телеграф" быстро становится самым популярным изданием в России, в котором печатаются лучшие литераторы того времени и обсуждаются самые разные, часто очень острые темы.

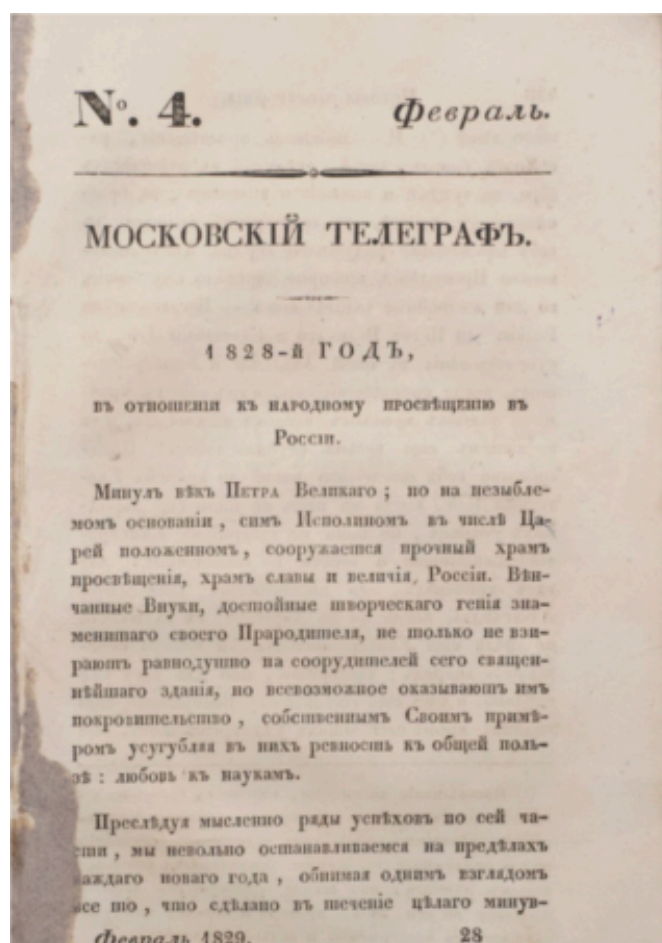

"Московский телеграф" Николая Полевого

Как многие независимые редакторы со своим мнением, Полевой со временем поссорился с некоторыми своими авторами. Пушкин ушел от него в "Московский вестник". С начала 1830 года на страницах "Телеграфа" появляются резкие выпады против Пушкина, пародии на его произведения (особенно досталось стихотворению "К вельможе"), печатается "злая", по признанию самого автора, рецензия на седьмую главу "Евгения Онегина". Вяземский покинул редакцию "Телеграфа" после критики Полевым Карамзина. Полемика между "Московским телеграфом" и издаваемой Антоном Дельвигом "Литературной газетой" стала центральным литературным конфликтом начала 1830-х годов. Резкие журнальные споры Полевой вел с Сергеем Аксаковым, Александром Воейковым, Александром Писаревым и другими литераторами того времени.

"Никогда, ни прежде, ни после, не бывало в русских журналах подобной войны, в которой принимали участие очень многие литераторы, – вспоминал брат Николая и соратник в его редакторских делах Ксенофонт Полевой. – Заспорили о мнениях касательно разных предметов, но вскоре полемика обратилась просто во взаимные перебранки и обличения".

Полевого в этих дискуссиях называли "общипанным заводчиком", ему вновь припоминали купеческое происхождение и доставшийся в наследство от отца водочный завод в Курске.

"Московский телеграф" Николая Полевого

Он так никогда и не стал до конца своим для тогдашней литературной элиты, которая считала Полевого просто выскочкой. В то же время властям он всегда казался недостаточно благонадежным.

"Давно уже и постоянно "Московский телеграф" наполнялся возвещениями о необходимости преобразований и похвалою революциям. Весьма многое, что появляется в злонамеренных французских журналах, "Телеграф" старается передавать русским читателям с похвалою. Революционное направление мыслей, которое справедливо можно назвать нравственную заразою, очевидно обнаруживается в сем журнале, которого тысячи экземпляров расходятся по России, и по неслыханной дерзости, с какою пишутся статьи, в оном помещаемые, читаются с жадным любопытством. Время от времени встречаются в "Телеграфе" похвалы правительству, но тем гнуснее лицемерие: вредное направление мыслей в "Телеграфе", столь опасное для молодых умов, можно доказать множеством примеров". Из доклада министра народного просвещения графа Сергея Уварова о "Московском телеграфе". Март 1834 года

Журнал Полевого возник на заре николаевской эпохи, когда политический курс уже менялся. После декабристского мятежа власть начала перестраивать систему контроля над общественной жизнью. Триада министра народного просвещения Сергея Уварова : "Православие, самодержавие, народность" предполагала определенно: литература должна воспитывать подданных, а не задавать неудобные вопросы.

10 июня 1826 года – Николай I утвердил первый новый цензурный устав (так называемый "чугунный устав"), который ввел беспрецедентно строгий контроль за печатью и запретил любые критические или вольнодумные высказывания. 22 апреля 1828 года – император утвердил смягченный, но по-прежнему крайне суровый третий Устав о цензуре, который заменил устав 1826 года и действовал на протяжении большей части правления Николая I. 2 апреля 1848 года – в период европейских революций был создан секретный "Бутурлинский комитет" (Комитет для надзора за печатью), осуществлявший высший надзор за уже прошедшими цензуру изданиями

Перелом для Полевого наступил в 1834 году.

Журнал "Московский телеграф" был закрыт по личному распоряжению Николая I за неодобрительный отзыв Полевого о пьесе [Н. В. Кукольника](#) "Рука всевышнего отечество спасла". Впрочем, поговаривали, что этого решения добивались многие недоброжелатели Полевого, в том числе и из кругов либеральных. Литературная среда, как и журналистская, в России (да, наверное, и везде) никогда не отличалась особой благожелательностью.

Из дневника цензора Александра Никитенко

9 апреля 1834 года: "Министр долго говорил о Полевом, доказывая необходимость запрещения его журнала.

– Это проводник революции, – говорил Уваров, – он уже несколько лет систематически распространяет разрушительные правила. Он не любит России. Я давно уже наблюдаю за ним; но мне не хотелось вдруг принять решительных мер. <...> Надо отнять у него право говорить с публикою – это правительство всегда властно сделать, и притом на основаниях вполне юридических, ибо в правах русского гражданина нет права обращаться письменно к публике. Это привилегия, которую правительство может взять и отнять когда хочет.

Его не отправили в ссылку и не посадили в тюрьму. У него отняли возможность заниматься любимым делом. Он потерял не просто свое детище и главный источник своих доходов, но и куда более для него важную возможность влиять на

умы. Его исключили из той общественной жизни, которую он сам во многом формировал почти десять лет.

"Сижу и соображаю всю нелепость бытия моего, всю странность моего образования, всю глупость моих обстоятельств и ложного моего положения в свете", – писал в те годы Полевой в своем дневнике.

И тут, как мы знаем, часто начинает работать такая логика: нужно же как-то жить, нужно публиковаться и быть услышанным, а ради этого можно пойти на компромиссы с теми, кто уничтожил твое детище. Потом представление о допустимом меняются. А следом вставший на этот путь неизбежно начинает убеждать самого себя в искренности своих новых взглядов.

| Девушка и Государь

В конце 1830-х Полевой много пишет. И тексты его становятся все более верноподданническими. Кульминацией этой его трансформации становится пьеса "Параша Сибирячка" – образцовое произведение о мудром государе, добродетельной простолюдинке и торжестве монаршей справедливости.

Параша Сибирячка – это реальный персонаж Прасковья Григорьевна Луполова, дочь ссыльного, отставного прапорщика, лишенного чинов и дворянства и сосланного в сосланный в Сибирь на поселение. Параша отправляется в Москву, надеясь добиться помилования отца, найти в столице защиту и добиться справедливости. Дорога из Сибири в столицу становится для неё настоящим испытанием: без средств и связей, она оказывается среди равнодушного и чужого мира, но сохраняет честность и достоинство.

Сюжет "Параши Сибирячки" – это история "маленького человека", который, не имея ни богатства, ни власти, оказывается сильнее обстоятельств благодаря нравственной стойкости. Для Полевого Сибирь – не только место ссылки, но и территория, на которой обитают люди, прошедшие через страдания. А потому, полагал Полевой, они нередко оказываются честнее и человечнее тех, кто живёт в центре империи.

Но, с другой стороны, имперское пространство у Полевого выглядит единым целым. Даже самая дальняя окраина, по мнению автора, связана с центром не страхом, а доверием. Так возникает образ идеальной подданной – честной, терпеливой, готовой ждать справедливости не от закона, а от государя.

В Москве история несчастной сибирской девушки постепенно становится известной. Её искренность, простота и преданность вызывают сочувствие, и

рассказ о её судьбе доходит до государя. Император удостоивает ее аудиенции и, пораженный до глубины души столь редким подвигом дочерней любви и преданности, оказывает Параше великую милость. Дело её отца было пересмотрено, и ссыльный Григорий Лупполов был прощен. Семейству разрешили вернуться из Сибири и поселиться в любом городе России.

Такой финал вполне устраивал цензоров: социальная несправедливость признавалась, но её исправление связывалось не с изменением системы, а с мудрой и милосердной верховной властью. Сюжет построен так, будто зло в России никогда не исходит с самого верха. Страдания героев возникают из-за ошибок чиновников, случайностей или человеческой жестокости. Когда же в повествовании появляется верховная власть, несправедливость исчезает. Самодержавие здесь оказывается не источником проблемы, а единственным способом ее решить. Царь представлен как последний судья, способный восстановить моральный порядок. Если государственная система работает плохо, виноваты отдельные исполнители. Если вмешивается монарх, правда неизбежно торжествует.

Успех пьесы был огромным, а вскоре по ее мотивам появилась и опера. "Такого блестящего приема пьесам на Александринском театре давно уже не было, как "Параше Сибирячке". Автор ее, Н.А. Полевой, был три раза вызван, при громких рукоплесканиях и криках браво", – писал хроникер журнала "Репертуар русского театра".

Публика выходила из театра с ощущением, что добро обязательно побеждает, только если в дело вмешается мудрый государь и если сохраняется правильный порядок вещей.

|"Какое счастье вовремя умереть"

Полевой в те годы заведовал литературным отделом газеты "Северная пчела". В 1838–1840 годах был редактором издания "Сын отечества" и "Русский вестник", написал шеститомную "Историю русского народа" и ряд исторических статей. В работе "Малороссия, её обитатели и история" оспаривал этническую и историческую родственность великороссов и малороссов, предлагал признать, что Малороссия никогда не была "древним достоянием" России (как на этом настаивал Карамзин).

Многие из числа так называемых прогрессивных литераторов в тот период отвернулись от Полевого.

"Вы знаете, что с ним было потом, – он принялся за "Парашу Сибирячку"... Какое счастье вовремя умереть для человека, не умеющего в свой час ни сойти со сцены, ни идти вперед. Это я думал, глядя на Полевого... Он стал покорным и льстивым. Печально было смотреть на этого смелого борца..., пошедшего на сделки со своими врагами, как только прекратили его журнал. Печально было слышать фамилию Полевого рядом с фамилиями Греча и Булгарина...", – писал Герцен.

Но больше всех неистовствовал Виссарион Белинский, который когда-то считал Полевого своим учителем. Отношения их особенно обострились после того, как Полевой не принял в свой журнал "Сын Отечества" статью Белинского о "Гамлете" и не помог ему перебраться в Петербург из Москвы, на что тот рассчитывал. Как писал Николай Полевой своему брату Ксенофонту, во-первых, "он (Белинский) довольно дорого себя ценит" и, во-вторых, "начисто ему поручить работу нельзя, при его плохом знании языка и языков и недостатке знаний и образованности".

В ответ "неистовый Виссарион" развернул буквально травлю Полевого, обрушиваясь на него со всевозможной критикой по любому поводу.

Виссарион Белинский

"Если бы я мог раздавить моею ногой Полевого, как гадину, – я не сделал бы этого только потому, что не захотел бы запачкать подошвы моего сапога, – писал Белинский очеркисту Василию Боткину в 1840 г. – Это мерзавец, подлец первой степени: он друг Булгарина, protege Греча... приятель Кукольника; бессовестный плут, завистник, низкопоклонник, дюжинный писака, покровитель посредственности, враг всего живого, талантливого... Он проповедует ту российскую действительность, которую так энергически некогда преследовал, которой нанес первые сильные удары... Для меня уже смешно, жалко и позорно видеть его фарисейско-патриотические, предательские драмы народные... его дружба с подлецами,

доносчиками, фискалами, площадными писаками... – нет, брат, если я встречу с Полевым на том свете, и там отворочусь от него, если только не наплюю ему в рожу... "

Авторы критических текстов о Полевом нередко приписывали ему нескромное высказывание: "Я знаю Россию – и Россия меня знает". Действительно, во вступлении к повести Полевого "Клятва при гробе Господнем" (1832) Полевой

заявлял: "Русь знаю, Русь люблю, и – ещё более, позвольте прибавить к этому, – Русь меня знает и любит".

В последние свои годы он много работал, стараясь прокормить литературными трудами большую семью. Но это ему удавалось плохо. Жили они в бедности.

"Замолчать вовремя – дело великое. Мне надлежало замолчать в 1834 году. Вместо писанья для насущного хлеба и платежа долгов, лучше тогда заняться бы чем-нибудь, хоть торговать в мелочной лавочке. Но кто борец с своею судьбою похвалится, что не все выигранные им битвы были более подарки случая, а не расчета, а проигранные принадлежат ему лично?", – писал в те годы в своих дневниках Полевой.

Его судьба часто приводится как пример того, насколько рискованной была профессия русского литератора первой половины XIX века: человек, создавший в свое время самый влиятельный и популярный журнал, умер в бедности в возрасте 49 лет "от нервной горячки", вызванной заключением в Шлиссельбургскую крепость его сына-студента, Никтополиона, задержанного при попытке самовольно перейти границу.

Петр Вяземский записал в дневнике о похоронах Полевого: "Множество было народа; по-видимому, он пользовался популярностью. Я не подходил к гробу, но мне говорили, что он лежал в халате и с небритой бородой. Такова была его последняя воля. Он оставил по себе жену, девять человек детей, около 60 тысяч рублей долга и ни гроша в доме".

Его посмертный облик был, очевидно, своеобразным ответом Белинскому, который в одной из своих проклинавших Полевого статей писал, что он "выходит к читателю в халате и с небритой бородой". Впрочем [в тексте](#), написанном на смерть Полевого, Белинский признал, что ""Московский телеграф" был решительно лучшим журналом в России, от начала журналистики".

Самого Полевого, наверное, порадовало бы то, что и спустя 200 лет его больше знают, как издателя "Московского телеграфа", чем как автора пьесы "Параша Сибирячка".

Что еще почитать по теме:

[Полевой Н. А. – Литературная критика: статьи и рецензии](#), – Ленинград, 1990

Полевой Н. А. – История русского народа. – М., 1830

Полевой Ксенофонт – Записки о жизни и сочинениях Н.А. Полевого / Сост. братом его К. Полевым. – Санкт-Петербург, 1860

Самуил Лурье – "Изломанный аршин", – Санкт-Петербург, –2012

Березина В. Г. – Н. А. Полевой. – Л.: Наука, 1990

Венгеров С. А. – "Очерки по истории русской литературы" –1907

Юлий Айхенвальд. – Белинский, – 1913

Этот контент также в категориях

Культура

Регионы

История.Сибирь